

Берлинскій дворъ въ 1888 г., въ воспоминаіяхъ русской дамы ¹⁾.

Въ іюня мѣсяца текущаго года, въ Петербургѣ издается новый журналъ „Revue contemporaine“; какъ показываетъ эпиграфъ, украшающій его заглавный листъ: „Mente Rossica—verbo gallico“,—журналъ издается на французскомъ языкѣ, но посвященъ разработкѣ вопросовъ внутренней жизни Россіи. Знакомить общественное мнѣніе Европы со стоящими въ Россіи на очереди вопросами въ области литературы, промышленности, финансовъ и съ наиболѣе выдающимися фактами ея внутренней жизни; освѣщая ихъ съ русской точки зрѣнія — такова совершенно опредѣленная цѣль, поставленная себѣ лицами, стоящими во главѣ этого изданія.

Въ послѣднихъ книжкахъ журнала помѣщенъ интересный „Дневникъ русской дамы“—особы, принадлежащей къ высшему кругу, о ея пребываніи въ Берлинѣ въ 1888 г., въ кратковременное царствованіе императора Фридриха II; съ содержаніемъ этого „Дневника“ мы познакомимъ читателей въ нижеслѣдующихъ выдержкахъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1888 г. въ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ Берлина часто заходила рѣчь о личности скончавшагося, незадолго передъ тѣмъ, маститаго императора Вильгельма I.

Незадолго до кончины императора графъ Кутузовъ представлялъ ему депутацію Калужскаго полка.

¹⁾ Revue contemporaine. 1910. № 10—12. La cour de Berlin en 1888 Journal d'une dame russe.

Престарѣлый императоръ былъ въ русскомъ мундирѣ; когда во время приѣма депутаціи, смѣнявшіе караулъ солдаты прошли, по обыкновенію въ полдень, передъ его окномъ, онъ сказалъ Кутузову: „я долженъ показаться народу; послѣдніе годы народъ ожидаетъ меня въ это время ежедневно и непременно хочетъ меня видѣть“.

Слова „я долженъ показаться“ очень характерны. Онъ добавилъ: „Я предпочитаю это чему-либо иному“.

Кутузовъ, стоявшій рядомъ съ императоромъ у историческаго окна, не понялъ этихъ словъ и взглянулъ на него съ удивленіемъ; тогда императоръ пояснилъ:

„Въ 1848 г. эта площадь была усѣяна разъяренной, угрожающей толпою, смотрѣвшей на меня съ ненавистью, теперь же они ожидаютъ часами, чтобы восторженно привѣтствовать меня, и не знаютъ, какъ выказать мнѣ свое расположеніе“.

Во время похоронъ императора Вильгельма, за его гробомъ шелъ кронпринцъ Вильгельмъ (нынѣ царствующій императоръ Вильгельмъ II) одинъ, „высоко поднявъ голову. Онъ не изъ тѣхъ, кого горе пришибаетъ; онъ шелъ твердымъ, военнымъ шагомъ, какъ на парадѣ. Многіе осуждали его за эту горделивую поступь“. Но это отнюдь не означало, что онъ былъ равнодушенъ къ потерѣ своего маститаго дѣда; лица, присутствовавшія при кончинѣ Вильгельма I, передавали, что „когда императоръ испустилъ духъ, то кронпринцъ бросился въ кресло и рыдалъ, какъ ребенокъ“.

Характерная подробность: „Императоръ Вильгельмъ просилъ возложить на его грудь русской Георгіевскій крестъ, который онъ такъ любилъ“.

„Супругъ нашего посла, графиня Шуваловой, пришла счастливая мысль возложить на гробъ императора огромнѣйшій Георгіевскій крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ“.

Вильгельму I наследовалъ его сынъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, пользовавшійся большою популярностью въ арміи и въ народѣ; на него возлагали большія надежды, такъ какъ его считали сторонникомъ парламентарнаго управленія въ англійскомъ духѣ; но Фридрихъ, страдавшій съ 1887 г. неизлѣчимой болѣзнію горла, не успѣлъ оправдать этихъ надеждъ; его короткое 99-дневное царствованіе было лишь геройскою, томительною борьбою съ неумолимымъ недугомъ.

Берлинцы, „преклоняясь передъ изумительнымъ терпѣніемъ, съ какимъ онъ переносилъ свои страданія, съ участіемъ и тревогою слѣдили за болѣзнію того, кого они любовно называли „Unser Fritz“.

„Однажды, передъ дворцомъ въ Шарлоттенбургѣ собралась толпа,

чтобы увидѣть императора; въ толпѣ была сестра фанъ-дербъ-Ховена баронесса Шиллингъ. Вдругъ одной дамѣ пришла счастливая мысль собрать среди присутствующихъ денегъ, чтобы скупить всѣ фіалки, какія были по близости, и поднести ихъ больному. Эта дама отнесла ихъ во дворецъ и была принята императоромъ. Она взяла съ собою на память лоскутокъ бумаги, на которомъ бѣдный больной выразилъ свою благодарность.

Гофмаршалъ Перпоншеръ говоритъ, что императоръ пишетъ быстро и очень неразборчиво; иной разъ трудно разобрать написанное имъ, но по движенію его губъ можно иногда угадать, что онъ хочетъ сказать. Это удалось однажды князю Антону Радзивиллу; бѣдный императоръ былъ такъ доволенъ, что его поняли; какъ его должно раздражать, что онъ не можетъ говорить!

Къ несчастію, докторъ Мэккензи, выписанный изъ Англiи по настоянію императрицы Викторiи, діагнозъ котораго разошелся съ діагнозомъ нѣмецкихъ врачей, не пользовался особымъ довѣріемъ больного и подвергался страстнымъ нападкамъ со стороны нѣмецкаго общества.

„Однажды, въ пассажѣ, какого-то субъекта приняли за Мэккензи, и разъяренная толпа едва не растерзала его; полиціи пришлось вмѣшаться, чтобы спасти бѣднягу, который вопилъ: „Я не Мэккензи, если бы я былъ имъ, я бы самъ покончилъ съ собою“; тогда его отпустили.

Императрица Викторiя также не пользовалась симпатіей и популярностью, несмотря на то, что она ухаживала за своимъ больнымъ супругомъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ, оберегая его отъ всего, что могло его взволновать; по свидѣтельству лицъ, близкихъ ко двору, она держала себя изумительно. Въ присутствіи мужа она была всегда добра, никогда не проявляла ни малѣйшей слабости, никогда не забывала взятой на себя роли, „относилась ко всему спокойно и когда кто-либо выражалъ по этому поводу удивленіе, она говорила совершенно просто: „Wilhelm magt nicht aufgeregte Frauen“¹⁾.

Она никому не позволяла расчувствоваться, „не допускала малѣйшаго намека на состояніе императора; дѣтямъ и въ особенности кронпринцу, который былъ впечатлителенъ и порывистъ, трудно было говорить постоянно о безразличныхъ вещахъ: имъ казалось неестественнымъ избѣгать вопроса, который такъ волновалъ ихъ всѣхъ! По словамъ принцессы Амалiи Шлезвигъ-Голштинской, это ненормальное, натянутое положеніе до того разстраивало кронпринца,

¹⁾ Вильгельмъ не любитъ, когда женщины волнуются.

что когда онъ бывалъ съ родителями, онъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ, пока не становился совсѣмъ зеленымъ“.

Императрица никогда не оставляла его наединѣ съ отцомъ.

Однажды, „во время поѣздки императрицы въ Познань, кронпринцъ катался верхомъ въ Тиргартенѣ и оттуда проѣхалъ, какъ бы невзначай, въ Шарлоттенбургской дворецъ, гдѣ долго пробылъ наединѣ съ отцомъ; передаютъ, что императоръ, не будучи въ состояніи говорить, написалъ на бумажкѣ: „Учись у отца страдать молча“.

Когда въ Берлинѣ стали извѣстны подробности поѣздки императрицы Викторіи въ Познань, куда она ѣздила тотчасъ по вступленіи на престолъ, „всѣ были возмущены тѣмъ, что польскія дамы произнесли свою привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ; и говорили, что къ императрицѣ германской нельзя обращаться иначе, какъ по-нѣмецки.

„Давъ нѣмцамъ высказаться“, говоритъ авторъ дневника, „я замѣтила, что у насъ, въ Балтійскихъ губерніяхъ, нѣмцы подняли страшный шумъ, когда правительство потребовало, чтобы русскій языкъ пользовался преимуществомъ, гдѣ же справедливость?“

„Многіе осуждали императрицу за эту поѣздку; говорили, что слѣдовало начать съ какого-нибудь нѣмецкаго государства; къ тому же расходы по встрѣчѣ были огромны. Словомъ, гдѣ бы мы ни были, императрицу вездѣ сильно критиковали! Супруга профессора Гельмгольца, г-жа Лейденъ и еще одна дама ея круга вздумали поднести ей нѣчто въ родѣ Lobschein'a или адреса, подписаннаго нѣмецкими дамами, преисполненнаго похвалъ; изъ аристократокъ ни одна не захотѣла подписать его; во всѣхъ домахъ, куда его носили, адресъ возвращали неподписаннымъ. Нашлось всего 6.000 дамъ, болѣе изъ мѣщанокъ, которыя согласились дать свои подписи.

„Княгиня Радзивилль-Сапѣга говорила, что она считаетъ это дерзостью, что коронованнымъ особамъ не даютъ аттестатовъ, что если признать право выражать похвалу, то придется признать и право на осужденіе, и что въ основѣ всего этого лежитъ чисто демократическій принципъ.

„Многія дамы были дотого возбуждены противъ императрицы, что онѣ не допускали, чтобы она могла хорошо ухаживать за мужемъ, и обвиняли ее въ томъ, что она мучила его ради удовольствія своего тщеславія, настаивая на томъ, чтобы онъ показывался народу, чтобы онъ выѣзжалъ, и что ему даже въ Шарлоттенбургскомъ дворцѣ не было покоя отъ англійскихъ рабочихъ и архитекторовъ, которые отдѣлываютъ къ пріѣзду королевы Викторіи покой королевы Луизы. Эти комнаты, съ которыми связано столько

воспоминаній и къ которымъ относятся, какъ къ реликвіи, теперь передѣлываются и реставрируются. Это считаютъ профанаціей. Все перевернуто верхъ дномъ; ветхая кровать королевы Луизы разломалась въ дребезги, когда ее тронули съ мѣста. Берлинцы и всѣ люди стараго режима взбѣшены.

„Въ исходѣ апрѣля императору стало хуже; опасались воспаления легкихъ вслѣдствіе простуды. Онъ чувствовалъ себя плохо нѣсколько дней, и докторъ Бергманъ сказалъ императрицѣ, что слѣдовало бы обнародовать бюллетень. Императрица, говорятъ, разсердилась, изорвала бюллетень, составленный врачами, и сказала:

„Я поѣду съ императоромъ въ городъ,—это будетъ самымъ лучшимъ бюллетенемъ“. Послѣ этого они катались цѣлыхъ два часа въ экипажѣ, при довольно холодномъ вѣтрѣ.

Императоръ, возбужденный восторженными привѣтствіями народа, сидѣлъ прямо, не опираясь на подушки; онъ съ улыбкой отвѣчалъ на поклоны; но, отѣхавъ отъ Шарлоттенбурга, онъ откинулся на спинку экипажа, изнемогая, весь блѣдный, какъ будто натянутая пружина спустилась. Вотъ почему такъ различны отзывы тѣхъ, кто видѣлъ его при выѣздѣ изъ Шарлоттенбургскаго дворца и тогда, когда онъ подъѣзжалъ къ Берлинскому дворцу.

Слишкомъ продолжительная поѣздка такъ утомила больного, что приглашенный къ нему профессоръ Лейденъ сказалъ,—а онъ, надобно замѣтить, весьма остороженъ: „это было черезчуръ; императоръ не могъ вынести такой продолжительной поѣздки, но императрица полагаетъ, что его слѣдуетъ подтягивать, чтобы онъ подбодрился. Не давая себѣ отчета въ томъ, какъ велики силы больного, она хватается иной разъ черезъ край“. Лейденъ давно хотѣлъ, чтобы его пригласили къ императору; онъ добивался этого все время и съ этой цѣлью сошелся съ Мэккензи; что побуждало его къ этому, патриотизмъ или честолюбіе, сказать трудно, дѣло въ томъ, что когда на Пасхѣ, Мэккензи вызвалъ Лейдена, бывшаго въ отпуску, телеграммой, то онъ пріѣхалъ въ Берлинъ сіяющій.

Это единственный разъ, когда Лейденъ призналъ, что императрица поступила неправильно; онъ говорилъ о ней всегда съ величайшимъ энтузіазмомъ и восторгается искусствомъ и смѣлостью, съ какою она скрываетъ свои опасенія, и тѣмъ успокаиваетъ больного.

Императоръ, по словамъ Лейдена, изумительно терпѣливъ и спокоенъ; онъ никогда не падаетъ духомъ; нельзя сказать, скрываетъ онъ свои опасенія, или онъ дѣйствительно ихъ не имѣетъ. Онъ всегда привѣтливъ, всегда шутитъ съ врачами и ничѣмъ не выказываетъ своего истиннаго настроенія“.

Встрѣтившись однажды за обѣдомъ у профессора Лейдена съ Мэккензи, авторъ дневника такъ передаетъ свои впечатлѣнія. „Мэккензи высокаго роста, худощавъ, лицомъ похожъ на іезуита. Онъ казался нервнымъ и сразу заговорилъ объ императорѣ и о недоброжелательствѣ, съ какимъ всѣ относились къ нему, Мэккензи; чувствовалось, что эта мысль преобладала надо всѣмъ, что онъ не могъ отвязаться отъ нея. У него нѣтъ такта, ибо критиковать нѣмцевъ въ нѣмецкомъ домѣ есть признакъ невоспитанности и недостатокъ такта. Въ каждомъ его словѣ проглядывало нервное раздраженіе. Послѣ обѣда онъ долго бесѣдовалъ съ нами.

На нашъ вопросъ, можетъ ли императоръ протянуть еще нѣсколько недѣль, Мэккензи отвѣтилъ: „если ничего особеннаго не случится, онъ проживетъ еще годъ; есть шансы, что онъ совсѣмъ поправится.

„Если бы онъ не былъ такъ неловокъ, сказалъ онъ въ другой разъ, онъ прекрасно могъ бы говорить; но онъ не умѣетъ найти отверстіе трубочки, вставленной ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ—я никогда не видѣлъ такого неловкаго больного“.

„Мэккензи жаловался, что императора нельзя заставить ѣсть, такъ какъ онъ всегда кушалъ только для того, чтобы жить, и у него не было любимыхъ блюдъ, которыми его, больного, можно было бы соблазнить.

„Мэккензи также не любитъ нѣмцевъ, какъ и они его; по его словамъ нѣмцы самые нелюбезные люди въ мірѣ, у нихъ больше предразсудковъ, нежели у всѣхъ остальныхъ народовъ, нѣмецкіе доктора гораздо хуже англійскихъ, которые во многомъ ушли впередъ, они употребляютъ такіе хирургическіе инструменты, которые англичане бросили лѣтъ 15 тому назадъ, замѣнивъ ихъ лучшими, нѣмцы ничему не хотятъ учиться у иностранцевъ и признаютъ только свои собственныя изобрѣтенія, тогда какъ они очень отстали въ области гигиены и комфорта, и относятся съ недоверіемъ и ненавистью ко всему, что идетъ изъ-за границы“.

Доказательствомъ ихъ ненависти ко всему иностранному служить по словамъ Мэккензи ихъ отношеніе къ русской оперѣ; „мы, англичане, любимъ русскихъ гораздо болѣе, чѣмъ они“, говорилъ онъ.

На вечерѣ у Шуваловыхъ, съ участіемъ русскихъ пѣвцовъ, рассказывается въ дневникѣ, нѣмецкое общество держало себя, какъ бы нарочно такъ, чтобы подтвердить слова Мэккензи. Голоса пѣвцовъ были великолѣпны, но отсутствіе школы, неумѣніе пользоваться своими силами вызвали довольно недоброжелательныя замѣчанія.

• „Вотъ хорошее средство отдѣлаться отъ Болгарскаго князя, говорили въ публикѣ; стоитъ послать ему русскихъ пѣвцовъ, и онъ убѣжитъ отъ нихъ, такъ какъ они не поютъ, а мычатъ, они оглушаютъ своимъ шумомъ“.

„Въ этихъ замѣчаніяхъ была доля правды, и мы сожалѣли о томъ, что эти пропагандисты искусства, съ которымъ здѣсь еще не знакомы, не были на высотѣ исполняемой ими музыки.“

„Опера Глинки (Жизнь за Царя?), поставленная въ это время въ Берлинѣ, была „принята довольно сочувственно, но курьезно, что когда на вызовы публики вышелъ директоръ труппы, то въ публикѣ закричали: „das ist Glinka“, между тѣмъ берлинцы должны были бы знать Глинку, жившаго въ 1832 г. довольно долго въ Берлинѣ, гдѣ у него даже зародилась мысль написать „Жизнь за Царя“, и гдѣ онъ скончался въ 1857 г.“

„Успѣхъ оперы былъ однако не продолжительный; нѣмцы никогда не могутъ судить объективно и съ чисто-художественной точки зрѣнія; на ихъ отзывы всегда вліяютъ національная ненависть или предубѣжденіе. Когда, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, Чайковскій захотѣлъ исполнить въ Берлинѣ свою чудную увертюру „Двѣнадцатый годъ“, при первыхъ звукахъ марсельезы, масса публики покинула залъ! Они и въ области искусства не могли забыть о политикѣ!“

24 мая 1888 г. совершилось бракосочетаніе второго сына императора Фридриха принца Генриха прусскаго.

„Императоръ выглядѣлъ такъ плохо и такъ тяжело было видѣть, какъ сильно онъ измѣнился, и еле дышалъ, что всѣ были глубоко взволнованы и плакали — въ особенности наша великая княгиня Елисавета Феодоровна и принцесса Мейнингенская. Императоръ все время стоялъ и сдѣлалъ молодой четѣ знакъ преклонить колѣна. Говорятъ, что было очень трогательно видѣть, когда императоръ благословлялъ ихъ.“

Весьма интересна для характеристики кронпринца, нынѣ императора Вильгельма II, записъ, сдѣланная въ Дневникѣ 14 (26) мая 1888 г.

„Мы провели вчерашній вечеръ у кронпринца; было очень интересно. Мы были приглашены къ 8^{1/2} часамъ. Когда мы пріѣхали, въ залѣ уже находились: графиня Брокдорфъ, г-жа Герсдорфъ и дежурный адъютантъ, Пфүль; минуту спустя вошли кронпринцъ и его супруга; они встрѣтили насъ какъ нельзя болѣе привѣтливо и любезно. Въ его манерахъ есть что-то прямое, искреннее, лояльное, сразу располагающее въ его пользу. Онъ держитъ себя совершенно естественно, такъ что съ нимъ сразу чувствуешь себя

просто, безъ стѣсненія, безъ малѣйшей натянутости. Когда онъ взглянетъ на васъ своими пронизательными, глубокими глазами, къ нему сразу чувствуешь величайшее довѣріе, какъ-то инстинктивно понимаешь, что нѣтъ надобности ничего скрывать отъ него, такъ какъ онъ угадаетъ то, что вы думаете, и пойметъ васъ.

Кромѣ насъ былъ только генераль Вердеръ и нѣкто г. Бюловъ, человѣкъ очень симпатичный. Я сидѣла между кронпринцемъ и Бюловымъ. Принцъ попросилъ свою супругу перейти въ другое зало, въ виду того, что Вердеръ страдалъ ревматизмами и не могъ долго стоять. Мы перешли въ сосѣдній очень обширный и уютный залъ, и усѣлись за круглый, чайный столъ; на столѣ стояли роскошныя розы изъ Потсдама. Говорили о Карлѣ Шурцѣ, объ Америкѣ, объ оваціяхъ, которыя дѣлаютъ принцу ежедневно“.

„Надобно видѣть его, когда онъ возвращается, по утру, съ парада, во главѣ войска, которое онъ пропускаетъ церемоніальнымъ маршемъ. Онъ останавливается для этого на углу Фридрихштрассе; этотъ уголокъ уже сталъ историческимъ, подобно окну императора Вильгельма I. Толпа устремляется туда каждое утро.

Выраженіе лица у кронпринца бываетъ въ эти минуты серьезное, какъ у человѣка, на которомъ лежитъ важная миссія.

Онъ олицетворяетъ собою силу, молодость, надежду. Его привѣтствуютъ каждый день такъ восторженно, какъ будто онъ возвращается съ поля битвы. Шляпы летятъ въ воздухъ, на балконахъ и въ окнахъ машутъ платками, подносятъ ему цвѣты; въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ восторженныхъ криковъ“.

„Въ нѣкоторыхъ газетахъ пишутъ, будто я плачу публикѣ за то, что она меня привѣтствуетъ“, смѣясь, сказалъ кронпринцъ.

— Это обходится вашему императорскому высочеству, вѣроятно, очень дорого, сказала я, „такъ какъ народу бываетъ очень много“.

Кронпринцесса высказала опасеніе, какъ бы лошадь принца не испугалась цвѣтовъ, которые ему бросаютъ, „надобно думать, что лошадь дрессирована настолько, чтобы не бояться овацій“, сказала я.

Принцъ выгладитъ моложе своихъ лѣтъ; такъ и хочется чѣмъ-нибудь насмѣшить его, чтобы видѣть, какъ лицо его оживится и утратить тотъ серьезный отпечатокъ, который ему придаютъ событія.

Говорили объ одной польской графинѣ, съ которой императоръ Вильгельмъ I видѣлся постоянно въ Эмсѣ и къ которой онъ былъ очень милостивъ.

Кронпринцъ спросилъ меня, куда мы собираемся на осень.

„Въ имѣніе, въ Лифляндію“, отвѣчала я.

— Васъ очень тамъ терзаютъ? спросилъ онъ.

Чтобы понравиться этому двору, слѣдовало, пожалуй, отвѣтить утвердительно, и я боюсь, что нижеслѣдующій разговоръ навсегда погубилъ меня въ его глазахъ.

— Нѣтъ, смѣло отвѣчала я, требуютъ чтобы мы учились русскому языку, а бароны шумятъ и изображаютъ себя жертвами, но, побывавъ въ Тренчино и увидавъ, какое положеніе создано по слабости австрійцевъ для нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ, я поняла всю необходимость руссификаціи. Въ Арко, желая обругать кого-нибудь его называютъ „*Tedesco*“.

Принцъ замѣтилъ, что онъ понимаетъ высшія государственныя соображенія, которыя заставляютъ принимать извѣстныя мѣры строгости.

„Да, сказалъ онъ, вотъ результаты политики Таффе. Вы правы, ни одно правительство не можетъ терпѣть подобныхъ вещей“.

Затѣмъ онъ сталъ спрашивать меня о мѣрахъ, которыя принимались съ цѣлью введенія русскаго языка, и сказалъ мнѣ благосклонно:

„Такъ, такъ, а мнѣ передавали это совсѣмъ иначе. Трудно судить такъ издалека“!

Онъ говорилъ очень сдержанно, очень искренно.

„А какъ на счетъ религіи?“ Я объяснила ему, какъ умѣла, что въ этомъ отношеніи все по-старому.

„А на счетъ браковъ?“

„Это старый законъ, отвѣчала я, только положенъ конецъ по-блжкамъ, которыя, съ точки зрѣнія юридической, были неправильны и не имѣли никакихъ хорошихъ результатовъ“.

Принцесса все время слушала насъ. Меня это раздражало, во-первыхъ потому, что трудно говорить на языкъ, которымъ не владѣеть въ совершенствѣ, когда васъ слушаетъ третье лицо, а мы говорили по-нѣмецки; во-вторыхъ, онъ былъ серьезенъ, но слушалъ меня благосклонно, она же относилась къ разговору страстно, а страсть всегда затемняетъ правильность сужденія; она рассуждала не такъ, какъ принцъ, объективно, съ точки зрѣнія государственнаго разума, а скорѣе больше сердцемъ, какъ лютеранка.

Она упомянула о религіозныхъ преслѣдованіяхъ.

„Одна дама, которую я очень хорошо знаю, говорила мнѣ сама, что ее заставили крестить ребенка въ православную вѣру, хотя она вышла замужъ до изданія этого закона, слѣдовательно, она имѣла право крестить его въ свою вѣру; ребенокъ умеръ, и мать не сожалѣетъ о немъ!“

Кронпринцесса говорила съ фанатизмомъ, съ ненавистью, дрожа отъ волненія.

„Простите, Ваше Высочество, отвѣчала я; эта дама говорила не вполне согласно съ истиной; ни одинъ законъ у насъ не имѣетъ „gückwirkende Kraft“; дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до изданія этого закона, о которомъ я искренно сожалею, коль скоро онъ вызываетъ столько вражды, хотя въ настоящее время и его защищаю, могутъ быть лютеранами“.

„Но можетъ ли это быть? она сама говорила мнѣ это!“

„Нѣтъ ничего легче и интереснѣе, Ваше Высочество, какъ играть роль жертвы; многіе охотно разыгрываютъ ее и все преувеличиваютъ съ цѣлью казаться интереснѣе“.

„Но я видѣла пріѣхавшихъ сюда пасторовъ, которые были высланы въ 24 часа потому, что это были лютеранскіе пасторы“.

— Нѣтъ, Ваше Высочество, за это ни одинъ не былъ высланъ; они были высланы за противозаконные поступки. Мы, русскіе, слишкомъ доброжелательны, чтобы быть угнетателями!“

— Да, сказалъ Вердеръ, когда разговоръ, происходившій вначалѣ между мною и принцемъ,—сталъ общимъ,—но когда начинаютъ ненавидѣть нѣмцевъ, тогда конецъ доброжелательству. И Вердеръ, котораго такъ ласкали, баловали и обожали въ Петербургѣ, также былъ противъ меня! Какъ многое я могла бы и должна была бы сказать; все это приходитъ мнѣ теперь на умъ, но въ то время я была парализована тѣмъ, что мнѣ такъ трудно было защищаться на языкѣ, который такъ мало былъ мнѣ знакомъ.

Кронпринцъ съ большимъ тактомъ старался обратить разговоръ въ шутку. Вердеръ обвиняетъ министра Толстого, Побѣдоносцева, Манасеина.

„Я готова во многомъ уступить вамъ, сказала я, но Бога ради не говорите, что мы не отличаемся вѣротерпимостью“.

Графиня Брокдорфъ была внѣ себя.

„Я не могу ничего ѣсть, говорила она, я изъ семьи гугенотъ, поэтому я понимаю, что приходится переносить нашимъ бѣднымъ единовѣрцамъ; это сѣверные гугеноты, но мы не живемъ во времена Вареломеевой ночи, вы воевали въ 77 году за своихъ единовѣрцевъ, а намъ приходится быть свидѣтелями того, какъ нашихъ единовѣрцевъ мучаютъ, притѣсняютъ“, это было тягостно слушать, и мнѣ хотѣлось прекратить разговоръ, который былъ неприятенъ намъ и ни для кого не занимателенъ.

Очевидное желаніе кронпринца обратить разговоръ въ шутку еще болѣе подстрекало меня придти ему въ этомъ на помощь и прекратить споръ, пока страсти не разгорѣлись.

„Моя роль очень неблагоприятна, Ваше Высочество, сказала я, между двумя противниками, которые ослѣплены борьбою и впадаютъ

въ преувеличенія, защищая свою точку зрѣнія. Того, кто безпристрастенъ и справедливъ и видитъ ошибки обоихъ противниковъ, на того нападаютъ съ двухъ сторонъ: нѣмцы обвиняютъ такого человѣка въ томъ, что онъ слишкомъ русскій, а русскіе винятъ его въ томъ, что онъ слишкомъ приверженъ къ нѣмцамъ“.

Она не поняла моей мысли.

„Почему вы говорите совсѣмъ о другомъ, надобно быть тѣмъ или другимъ, надобно имѣть смѣлость отстаивать свои убѣжденія“ и такъ далѣе, въ этомъ смыслѣ.

Чѣмъ болѣе я старалась объяснить ей то, что я хотѣла сказать, тѣмъ болѣе я запутывалась, и это выводило меня изъ себя. Бюловъ понималъ меня, но всѣ его попытки разъяснить смыслъ моихъ словъ выслушивались снисходительно съ улыбкой и, пожимая плечами, какъ будто этотъ новый союзникъ поддерживалъ меня только изъ вѣжливости.

Я вернулась домой въ подавленномъ настроеніи; не говоря уже объ уязвленномъ національномъ чувствѣ, я была увѣрена въ томъ, что я не была понята кронпринцессой, высоко честная и прямолинейная натура коей не допускала никакихъ компромиссовъ, и что она могла считать меня флюгаркой. Мнѣ казалось, что она была охвачена германскими предрасудками, которые поддерживали въ ней графиня Брокдорфъ, Штеркеръ, евангелическія миссіи и т. п. Ея вліяніе на кронпринца уподобится той каплѣ воды, которая, падая непрерывно на одно и то же мѣсто, можетъ продолбить камень“.

Въ кратковременное царствованіе Фридриха III возникъ проектъ бракосочетанія дочери императора, принцессы Викторіи, съ бывшимъ болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергомъ. Бисмаркъ возсталъ противъ этого проекта изъ-за политическихъ соображеній, у больного императора не хватило энергіи отстоять свою дочь, которая была расположена къ принцу, и онъ уступилъ канцлеру.

Въ апрѣлѣ 1888 г. въ Берлинѣ „всѣ были заняты сватовствомъ князя Баттенберга. Это была борьба мужчины съ двумя женщинами— матерью и дочерью.

„Я припоминаю, что въ прошломъ году, въ Потсдамѣ, принцъ Вильгельмъ,—нынѣ кронпринцъ, сказалъ мнѣ со своей обычной подкупающей откровенностью:

„Принцъ Баттенбергскій человѣкъ невозможный; его политика, чисто женская, основанная на интригахъ; совершенно невѣроятно, что этому ничтожному атому монарха едва не удалось поссорить двѣ такія большія державы, какъ Россія и Германія“.

Я отвѣчала: „микробъ самъ по себѣ ничтоженъ, между тѣмъ онъ можетъ отравить человѣка, который во столько разъ больше него“.

Онъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

„Да! и понадобился такой хорошій хирургъ, какъ нашъ канцлеръ, чтобы избавить отъ него Европу, болѣвшую этимъ микробомъ, и вернуть ей здорovie“.

Встрѣтивъ поддержку въ своемъ будущемъ монархѣ, Бисмаркъ и этотъ разъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ! Мы видѣли его, когда онъ ѣхалъ изъ Шарлоттенбурга въ тотъ день, когда тамъ долженъ былъ обсуждаться этотъ вопросъ. Публика восторженно привѣтствовала его. Онъ производитъ подавляющее впечатлѣніе, физически это такой колоссъ, что онъ при первомъ взглядѣ подавляетъ своей силой. При его огромномъ ростѣ онъ кажется выше-обыкновенныхъ людей, какъ тѣ гиганты, которые изображены Микель-Анджело.

